

Глава 3. О чем не говорят другим

У Пятого господина Бая появилась тайна.

Эта весть мигом облетела Остров Пустоты. Кто-то передавал её с недоверием, кто-то — с нескрываемым изумлением, которое, впрочем, быстро сменялось тихим облегчением.

«Наконец-то наш Пятый вырос, — шептались по углам. — Обзавелся собственным маленьким секретом».

Цзян Пин услышал об этом на пристани. В тот момент он не на шутку удивился. Трудно было сказать, чего в его душе было больше — радости или тревоги, но одно он знал наверняка: это казалось невозможным.

Неужели Бай Юйтан, этот избалованный мальчишка, внезапно научился молчать?

Заинтригованный, Четвёртый господин Цзян велел лодочнику грести помедленнее и во всех подробностях рассказать, что слышно в Сунцзянской префектуре. Неизвестно, что больше подстегивало любопытство Цзян Пина: сам факт того, что Юйтан способен на скрытность, или же суть загадочной тайны.

Секрет Бая, однако, оставался нераскрытым — кроме него самого, правды не знал никто.

Лодочник неспешно работал веслами. Цзян Пин молча наблюдал, как на речной глади расходятся кольца, набегаая одно на другое и медленно тая в серой воде. Под мерный плеск волн он слушал последние слухи Сунцзянской префектуры.

О том, что Бай Юйтан — первый в подлунном мире повеса, знали все. Пятый господин и сам не упускал случая это подчеркнуть: на его веере из белого нефрита красовалась надпись «Первый в подлунном мире повеса», выведенная изящным каллиграфическим стилем Лю. Иероглифы так бросались в глаза, что не заметить их было просто невозможно.

Говорят, кто в юности не знал безумств, тот не был молодым. Для Бая подобный образ жизни был естественен, как дыхание.

В тот день Пятый господин, как обычно, заглянул в Терем Тумана и Дождя — лучшее заведение в Сунцзянской префектуре. Здесь и красавицы были милее, и вино — крепче.

Бай Юйтан хоть и слыл гулякой, но никогда не опускался до низости. Все обитательницы веселых кварталов знали: если Пятый господин и захаживает к ним, то вовсе не ради ночи с куртизанкой за тысячу золотых и даже не ради песни чистой куртизанки. Чаще всего его вела сюда жажда отведать редкого вина «Дочь Красная», которого не сыскать в других местах.

Будучи выходцем из знатного рода, Бай Юйтан мог вести себя заносчиво с гордецами, заставляя тех лишь диву даваться, что нашелся кто-то похлеще их самих. Однако с девушками, волей судьбы оказавшимися в тереме, он всегда был неизменно учтив.

В тот вечер Хун Янь, признанная красавица и звезда заведения, только что закончила петь на сцене «Весну, луну и цветы на ночной реке». Спустившись к гостям, она с удивлением заметила, что на столе Бая нет его любимого вина. Вместо него в чашке дымился светлый грушевый чай.

Поскольку они были старыми знакомыми, Хун Янь, прикрыв рот ладонью, позволила себе легкую усмешку:

— Что это с вами, Пятый господин? Променили «Дочь Красную» на цветочный отвар? Не иначе как солнце сегодня взошло на западе.

Бай Юйтан лениво покачивал чашку. Напитка в ней почти не убыло — сколько слуга налил, столько и осталось.

— Ничего особенного. Просто захотелось перемен, — он поставил чашку, так и не сделав глотка. — Но признаться, вкус у этого чая прескверный.

«Вжик» — раскрылся веер из белого нефрита, выставив напоказ каллиграфические росчерки.

— О, это неудивительно, — понимающе кивнула Хун Янь. — Вкус чая куда тоньше вкуса вина, а грушевый — и вовсе самый бледный из всех. Истинного ценителя узнают по тому, как он пьет именно этот чай.

Хун Янь знала толк в таких вещах.

— Мало кто любит грушевый чай, — продолжала она. — Говорят, его предпочитает лишь мастер Хуэйпинь.

Мастер Хуэйпинь из монастыря Хунъянь был знаменитым знатоком. Вся Сунцзянская знать, желавшая приобщиться к искусству чаепития, шла к нему за советом, хотя редко кому удавалось выпросить у него хоть горсть хорошего листа.

Хуэйпинь считал, что чай — это высокое искусство. Для большинства это была лишь дань моде, но для мастера — путь, увидеть красоту которого дано не каждому. Впрочем, если он видел в человеке искреннюю любовь к делу, то наставлял даже новичка.

Линь Сюань, супруга Бай Цзиньтана, не пила вина, отдавая предпочтение чаю. Она быстро нашла общий язык с мастером и не раз приглашала его в поместье, чтобы обсудить качество новых сборов. Хуэйпинь относился к ней с большой теплотой, ценя её искренность, хотя и

считал, что до истинных высот понимания ей еще далеко.

— Вот как? — Юйтан едва заметно улыбнулся. — Значит, у того человека вкус и впрямь весьма изысканный.

Хун Янь замерла, ослепленная.

В этой улыбке было столько нежности.

Сердце красавицы, привыкшей к вниманию мужчин, на миг кольнуло азартом пополам с ревностью. Бай Юйтан был ласков со всеми, но, как любила повторять матушка Нин, в этой нежности не было сердца.

«Пятый господин Бай — человек страстный, но бесчувственный, — говаривала хозяйка Терема Тумана и Дождя, чей глаз за долгие годы в этом деле стал острее бритвы. — Он может подарить тебе искреннее чувство, но никогда не отдаст свою душу».

Однако в этот краткий миг Хун Янь показалось, что перед ней человек, который улыбается по-настоящему. Не вызывающе, как обычно, а спокойно и... счастливо.

Да, это было счастье.

Хун Янь знала людей. Но сейчас она видела в глазах Юйтана то, чего не встречала никогда прежде.

— И кто же эта прекрасная дама, — голос куртизанки невольно стал кислым, как недозрелая слива, — что сумела так пленить сердце Пятого господина? Это поистине чудо.

— А? — Юйтан очнулся от раздумий. Его лицо мгновенно приняло привычное выражение высокомерного превосходства. — Есть вещи, говорить о которых вслух — значит лишать их смысла.

А Бай Юйтан не любил бессмысленных поступков. Раз он упомянул «смысл», значит, дело было для него чрезвычайно важным.

— Неужели у Пятого господина Бая появились свои тайны? — Хун Янь поджала губы, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Секреты есть у каждого, — веер в руке Бая мерно двигался, скрывая нижнюю часть лица. — Почему бы и мне ими не обзавестись?

— И давно они у вас?

— Очень давно.

Насколько давно — не знал никто, кроме самого Бая. Тайна оставалась тайной в полном смысле этого слова.

Любопытство Цзян Пина было вполне оправданным. Впрочем, не только он — все братья на Острове Пустоты изнывали от желания узнать правду. Даже рассудительный Лу Фан, обычно далекий от сплетен, не остался в стороне. Для них Бай Юйтан всегда был младшим братом, порывистым и неспособным долго скрывать свои чувства.

— И что тут такого странного? — Минь Сюю, напротив, сохраняла полное спокойствие и явно не одобряла излишнее рвение братьев. — Пятый брат повзрослел. Появились дела, о которых не хочется докладывать старшим — это в порядке вещей. И не вздумайте к нему лезть с расспросами.

— А что, если спросить мастера Хуэйпина? — подал идею кто-то. — Может, он знает кого-то, кто любит грушевый чай? Мастер разбирается в людях не хуже, чем в листьях. От его взора мало что скроется.

— Пожалуй, это мысль, — Лу Фан погладил бороду, соглашаясь.

С мастером братья были в добрых отношениях благодаря Линь Сюань. И хотя Хуэйпинь недолюбливал Бая за его страсть к вину и пренебрежение чаем, торговые связи Острова Пустоты в этой области были слишком обширны, чтобы мастер мог игнорировать семейство.

***

— О? Любитель грушевого чая?

Мастер Хуэйпинь сидел за низким столом, заваривая «Колодец дракона», собранный перед дождями. Он молча выслушал их рассказ и поднял взгляд, словно припоминая что-то из очень далекого прошлого.

— Знал я когда-то одного такого. Но он преставился в прошлом году. Не знаю только, сохранил ли его ученик верность этой привычке.

— Кто это был?

— Тот самый человек, которого вы так отчаянно искали, когда Бай Цзиньтан был при смерти.

Хуэйпинь сделал маленький глоток и тихо вздохнул.

— Ли Лао был великим мастером чая и очень любил груши. Пить он предпочитал грушевый чай, а если уж и брался за вино, то только за «Белую грушу». Пятнадцать лет назад он взял себе ученика в Чанчжоу. Ли был очень строг с ним — старые обиды оставили слишком глубокий след в его душе. Но, кажется, в конце концов он нашел того, кто оправдал его надежды.

При упоминании старых дел Лу Фан нахмурился:

— Где же был этот Ли Лао, когда Цзиньтан угасал?

— В этой истории нет места сослагательному наклонению, — мастер Хуэйпинь снова пригубил чай. — Как я уже сказал, он умер в прошлом году. Когда Бай Цзиньтан заболел, Ли Лао и сам был при смерти. Ни он, ни его ученик никак не могли прийти на помощь.

— Но ведь его называли великим лекарем... Неужели он не мог исцелить себя?

— Друг мой, даже божественные лекари — всего лишь люди. Ли Лао дожил до восьмидесяти шести. Перед Владыкой ада все равны: если Янь-ван назначил тебе час в третью стражу, до пятой ты не дотянешь. К тому же смолоду, после той истории с его женой, он страдал от застарелого недуга.

— А что за ученик был у него?

— Видел я его лишь издали, один-единственный раз, — мастер улыбнулся своим мыслям. — Лицом не разглядел: малец сидел, уткнувшись в медицинский трактат. Ли Лао и на шаг меня не подпустил, боялся, что я отвлеку мальчишку. Я тогда даже не понял, парень это или девчонка — совсем дитя было.

Хуэйпинь поставил чашку на стол.

— Но легкостью движений он явно пошел в учителя. Словно ласточка пролетел — ни следа на траве не оставил. С тех пор минуло почти десять лет. Малыш, должно быть, уже совсем вырос.

«Совсем вырос».

Мастер Хуэйпинь казался довольным. Он с улыбкой допил свой чай и замолчал, давая понять, что разговор окончен. Лу Фан с братьями еще немного посидели, но, поняв, что больше ничего не добьются, откланялись.

И всё же — был ли это «тот самый» человек или нет? Сказать было трудно.

Цзян Пина всё еще мучило любопытство. Он лихорадочно соображал, как бы еще раздобыть сведения, но к самому Баю подступаться не решался.

Бай Юйтан был упрям. Если уж Хун Янь не смогла развязать ему язык, то у Цзян Пина шансов было еще меньше. Братские узы здесь не помогут — Пятый заговорит лишь тогда, когда ему самому понадобится помощь.

Но жизнь Бай Юйтана всегда была гладкой, как шелк. Лишь однажды, когда умирал его старший брат, а Ли Лао так и не удалось найти, он надолго погрузился в отчаяние. В остальном же не существовало в мире преграды, которую Пятый господин Бай не смог бы преодолеть сам.

<http://bllate.org/book/17405/1649738>